

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

17. — СТОЛЫПИН ПРИГЛАШАЕТ ШИПОВА ВОЗГЛАВИТЬ КАБИНЕТ РОСПУСКА. — ШИПОВ ЗАЩИЩАЕТ ПЕРЕД ЦАРЕМ КАДЕТСКИЙ КАБИНЕТ МУРОМЦЕВА И МИЛЮКОВА. — НЕДЕЛЯ ОПТИМИЗМА И ПОВОРОТ 4 ИЮНЯ. — МОЯ ПОПЫТКА ПРЕДУПРЕДИТЬ АГРАРНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ДУМЫ. — ЗИГЗАГИ И СЛУХИ. — МОЯ РОЛЬ В ВЫБОРГСКОМ МАНИФЕСТЕ. — ДЕПУТАТЫ В ВЫБОРГЕ.

Итак, с 24-го июня 1906 г. П. А. Столыпин имѣл в своих руках полномочіе, данное ему государем, на роспуск первой Государственной Думы. Эту дату необходимо твердо запомнить, так как она об'ясняет многое, оставшееся неясным в этом самом «роковом» шагѣ Роковых годов. Прежде всего дата 24 июня совершенно устраняет утверждение такого ненадежнаго свидѣтеля, как В. Гурко, будто П. А. Столыпин вообще не хотѣл роспуска Думы. Вѣрно то, что он хотѣл «либеральнаго» роспуска и позднѣе получил от царя разрѣшеніе перестроить кабинет, уволив наиболѣе реакціонныхъ министров, Стишинскаго и Ширинскаго - Шахматова, и введя нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей. Из мемуаров Д. Н. Шипова мы знаем, что его «либерализм» шел и дальше. Во главѣ министерства роспуска он хотѣл поставить не кого иного, как самого Шипова! Это невѣроятное предложеніе он сдѣлал Шипову, сперва через Н. Н. Львова, а потом и лично, уже 26 - 27 июня. Мотив был тот, что «роспуск Думы долженъ быть произведенъ обновленнымъ правительствомъ, имѣющимъ во главѣ общественаго дѣятеля, пользующагося довѣріемъ в широкихъ кругахъ общества», — каковымъ Столыпин и считаетъ Шипова. Повидимому, царь воспринялъ этотъ странный исход, какъ самъ собой разумѣющійся, и на 28-ое

пригласил Шипова в Петербург — уже в порядкѣ исполненія Столыпинскаго плана. Эта степень непониманія общественнаго настроенія чрезвычайно характерна для тогдашних правящих сфер.

Разумѣется, Шипов не мог пойти на эту унижительную роль послушнаго слуги режима. Как и слѣдовало ожидать, он заявил, что считает роспуск Думы актом не только нецѣлесообразным и «неконституціонным», но и прямо «преступным». Он притом не дѣлал секрета для петербургской публики из этого своего мнѣнія. Тогда П. А. Столыпин отступил на вторую позицію. В присутствіи Н. Н. Львова и А. П. Извольскаго он заговорил на свиданіи не о роспускѣ, а о созданіи «коалиціоннаго» кабинета под предсѣдательством Шипова, но с участіем своим и Извольскаго. Шипов отвѣтил, что и «коалиціонный» кабинет невозможен, — и сослался на преобладаніе в Думѣ кадетской партіи и на необходимость поручить составленіе кабинета «одному из лидеров этой партіи». Столыпин должен был тогда упомянуть, что он «приглашал к себѣ П. Н. Милокова, говорил с ним о вѣроятной перемѣнѣ кабинета и П. Н. Милюков дал понять *), что он не уклонится от порученія образовать кабинет, если такое предложеніе ему было-бы сдѣлано». А. П. Извольскій высказал надежду, что Шипову «удастся убѣдить к. д. войти в состав коалиціоннаго кабинета», причем, с очевидным намѣреніем, прибавил; «что касается нашего (со Столыпиным) участія, то этот вопрос мы должны предоставить вполнѣ свободному рѣшенію Дмитрія Николаевича». Шипов замѣчает: «П. А. Столыпин сдѣлал вид, будто и он присоединяется к послѣдним словам А. П. Извольскаго». Но его позиція была слишком прозрачна. Он тут же признал «невозможным и слишком рискованным» участіе к. д. «и настаивал на необходимости роспуска Г. Думы», т. е. вернулся к исходной темѣ бесѣды. Что роспуск был уже предрѣшен им с царем — и притом при премьерствѣ Шипова, он, конечно, не обмолвился; но подчеркнул, отступая, что «вопрос об образованіи новаго кабинета может быть разрѣшен только государем».

Он прибавил, что имѣется предположеніе (он не знал, что оно уже осуществлено царем в порядкѣ первоначальнаго соглашенія со Столыпиным) назначить Шипову на завтра аудіенцію в

*) До этого, конечно, не дошло, как видно из разговора со Столыпиным, изложеннаго мной в предыдущем очеркѣ. — П. М.

Петергофъ». Он уже понял, конечно, что тема бесѣды Шипова с царем будет не та, которая была намѣчена.

Готовясь к царской аудіенціи, Шипов снесся со мной через гр. П. А. Гейдена, а сам долго бесѣдовал с Муромцевым. Я, по воспоминаніям самого Шипова, нашел «коалиціонный кабинет» «безусловно неприемлемым» и «дал понять, что считаю в этом смыслѣ вопрос уже в сферах предрѣшенным и готов принять на себя составленіе кабинета, как только такое порученіе будет сдѣлано». Я припоминаю бесѣду с гр. Гейденом, помню, что он говорил о введеніи в кабинет трех министров, входящих в предѣлы царской прерогативы, и даже рекомендовал мнѣ в кандидаты одного из великих князей. Но рѣшительно отрицаю, чтобы я мог намекать на «предрѣшенность» вопроса и на мою «готовность» принять «порученіе». Я не только не считал, что вопрос «предрѣшен» в этом смыслѣ, но, послѣ свиданія со Столыпиным, был совершенно увѣрен, что вопрос о министерствѣ к. д. вообще похоронен окончательно. О своей бесѣдѣ с С. А. Муромцевым Шипов рассказывает подробно. Он «приложил всѣ усилія, чтобы заручиться содѣйствіем Муромцева». Он настаивал на сформированіи коалиціоннаго кабинета, причем «участіе бюрократическаго элемента и в частности П. А. Столыпина должно, конечно, быть исключено». Предсѣдателем должен быть сам Муромцев. В отвѣтѣ Муромцева принципиальные и тактическіе мотивы, весьма реалистическіе, переплетались с личными. Во-первых, «никакой состав министерства при переживаемых условіях не может рассчитывать в ближайшем времени на спокойную и продуктивную государственную дѣятельность и сохранить свое положеніе на болѣе или менѣе продолжительное время». На болѣе открытом языкѣ это значило: кадеты, все равно, не справятся с лѣвыми и скоро получат отставку сверху. Это соответствовало и утвержденіям правой печати. Во-вторых, говорил Муромцев, нельзя измѣнить уже сложившагося мнѣнія к. д. о министерствѣ из большинства Думы. Т. е. нельзя говорить с к. д. о «коалиціонном» министерствѣ, ибо «П. Н. Милюков уже чувствует себя премьером». В виду этого сомнительнаго для него отношенія к. д. к нему самому и «неизбѣжнаго в ближайшем же времени конфликта кабинета с Гос. Думой», Муромцев воздерживался сам и считал правильным отказ Шипова от премьерства.

Пріем у государя, состоявшійся в тот же день послѣ этих

переговоров, был очень любезный, хотя ему, несомнѣнно, была уже известна позиція Шипова. Разговор, именно поэтому, зашел очень далеко от Столыпинскаго «предрѣшенія» роспуска Думы. Так далеко, что и вариант чисто кадетскаго кабинета стал вдруг обсуждаться, как осуществимый. Зная уже об отрицательном отношеніи Шипова к роспуску Думы, царь прежде всего, все же спросил Шипова о его мотивах. Отвѣтъ Шипова, как я вижу теперь из его воспоминаній, был глубоко продуман и политически насквозь честен. Если предположить, что двор был доступен убѣжденіям этого рода и что ему только не хватало знанія о дѣйствительном положеніи дѣла, — тут было сказано, откровенно и искренне, все, что было нужно сказать. Так, кажется, никто до тѣх пор не говорил с Николаем II. Двусмысленность «конституціоннаго» манифеста 17 октября, ненормальность отношенія правительства к Думѣ, невозможность, при этих условіях, апеллировать вновь к избирателю и надѣяться, что он станет на сторону власти, неизбѣжность и несомнѣнность «гораздо болѣе лѣваго состава» в Думѣ, которая будет переизбрана; а с другой стороны, возможность примиренія с данной Думой при условіи искренней готовности работать с ней и вернуться честно к манифесту 17 октября, невозможность добиться примиренія с властью при «коалиціонном» кабинетѣ, а потому необходимость создать кабинет из думскаго большинства, вѣроятность смягченія тактики к. д., если они придут к власти, наконец, даже осторожная защита основных тезисов кадетской программы, в том числѣ и аграрной, — все это было высказано очень отчетливо и вполне доказательно. Все это было представлено, как звенья одной и той же логической цѣпи. В устах представителя другой политической группы это было почти неожиданно и свидѣтельствовало о ясном умѣ и высоком благородствѣ характера царскаго собесѣдника.

Рѣчь перешла, слѣдуя той же логикѣ, к вопросу о лицах. Из двух кандидатов в премьеры Шипов, конечно, выдвигал Муромцева, но отдавал справедливость и Милюкову. Милюков «самый вліятельный член партіи», Шипов «отдавал должную дань его способностям, его талантам, его научной эрудиціи». Но Милюков «слишком самодержавен» (Шипов тотчас пожалѣлся об этом выраженіи, «вырвавшемся необдуманно», в присутствіи самодержца). Кроме того, Милюков «по своему жизнепониманію преимущественно рационалист, историк - позитивист, в нем слабо развито

религіозное сознаніе». Поставленный во главу, он «едва - ли бы всегда в основу своей дѣятельности полагал требованія нравственнаго долга и едва-ли бы его политика могла содѣйствовать столь необходимому духовному под'ему в населеніи страны». Лучше будет поставить его на пост «министра внутренних дѣл или иностранных дѣл». Это будет «очень полезно и даже необходимо». С другой стороны, С. А. Муромцев — «человѣкъ высоко - моральнаго настроенія», «пользуется общепризнанным авторитетом», и его назначеніе премьером «будет привѣтствовано в широких кругах общества». В то же время Муромцев «отличается большим тактом и мягкостью характера». Он «обеспечит всѣм членам кабинета необходимую самостоятельность, и при его главенствѣ участіе П. Н. Милюкова в кабинетѣ будет особо полезно». Государь любезно резюмировал: «да, таким образом может установиться правильное соотношеніе умственных и духовных сил» — и «дал понять, что аудіенція кончена».

Возвращаясь послѣ аудіенціи, Шипов «чувствовал себя в бодром настроеніи». А Столыпин, которому он, как было условлено, сообщил в тот же день содержаніе разговора, — естественно — не мог скрыть «недовольства во всей своей фигурѣ». Ему было «извѣстно (очевидно, от самого царя), что высказанное Шиповым произвело благопріятное впечатлѣніе и встрѣчает сочувствіе». Это шло вразрѣз с его планами—и он очень обезпокоился. Если судить по «сочувствію» царя, он мог опасаться, что «предрѣшенный» с ним исход — роспуск Думы — сильно пошатнется. И, прощаясь с Шиповым, он бросил фразу, в которой переход в формальный тон граничил со скрытой угрозой: «Теперь посмотрим, что воспослѣдует». Я представляю себѣ столыпинскую интонацію, с которой это было сказано. Впослѣдствіи, В. О. Ключевскій, который был лично знаком с великими князьями и придворными сановниками, мнѣ рассказал, что, разговаривая в семейном кругу, царь замѣтил: «вот, говорят, Шипов — умный человѣкъ. А я у него все выпросил — *и ничего ему не сказал*». Это было для Николая II очень обычно.

Ка бы то ни было, оба противоположныя чувства — и «недовольство» Столыпина и «бодрость» Шипова, — послѣ 28 іюня возымѣли дальнѣйшее теченіе—одно в придворных, другое в кадетских кругах. В придворных кругах знали, что «благопріятное отношеніе» к докладу Шипова «продлилось ровно недѣлю». А. П.

Извольскій сообщил Шипову, что так было «до 5 июля, но с этого дня положеніе измѣнилось, и, как видно, предположеніе о вѣроятности приглашенія в Петергоф С. А. Муромцева отпадает». На вопрос Шипова, «чѣм вызвана эта перемена», А. П. Извольскій высказал вполне основательное предположеніе, «что тут сказалося вліяніе П. А. Столыпина». До кадетских кругов свѣдѣнія о «благопріятном» поворотѣ вопроса о к. д. кабинетѣ дошли через общих друзей с Шиповым, с которыми наши добрыя отношенія не прекращались. С Муромцевым Шипов увидѣлся немедленно послѣ аудіенціи. Когда дошло до разговора о премьерствѣ, Муромцев взволновался. «Какое право ты имѣешь касаться вопроса, который должен быть рѣшен самой политической партіей?» Из сказаннаго выше понятен смысл этой реплики. Шипов заговорил тогда о «благѣ страны». Муромцев высказался яснѣе: он «выразил опасеніе относительно совмѣстнаго с П. Н. Милюковым участія в кабинетѣ». «Двум медвѣдям в одной берлогѣ уживиться трудно».

Все это я прочел гораздо позднѣе, в мемуарах Шипова. Ни с царской аудіенціи, ни о приведенном разговорѣ с Муромцевым я ничего не знал, — и поэтому был нѣсколько удивлен, когда думскій пристав нашел меня во время засѣданія в корреспондентской ложѣ и сказал мнѣ: «вас просит предсѣдатель придти немедленно к нему в кабинет». Я пошел. Муромцев поднялся с кресла навстрѣчу и, без предисловій, спросил меня с мѣста в карьер: «кто из нас будет премьером?» Это было так неожиданно и покалось мнѣ так забавно, что я расхохотался. «По моему, никто не будет», — отпарировал я. Но Муромцев настаивал. Тогда я сказал ему: «если уж дѣло дойдет до такого важнаго событія, как кадетское министерство, то вопрос о премьерствѣ — второстепенная подробность, которую рѣшит партія. Но что касается меня, то я с удовольствіем отказываюсь от премьерства и предоставляю его вам». Дѣйствіе этих слов было совершенно неожиданное. Муромцев не мог скрыть охватившей его радости и выразил ее в жестѣ, который мало подходил к его обычной предсѣдательской торжественности. Не помню дальнѣйшаго разговора: он был краток — не только потому, что надо было возвращаться в засѣданіе, но и потому, что Муромцев узнал все, что ему было в тот момент нужно. Он в эти дни, очевидно, серьезно ждал приглашенія из Петер-

гофа. Лишь позднѣе, в своем архаизирующем стилѣ, он должен был заявить, что призван не был».

А толки среди к. д. уже шли дальше: мы накануне кадетскаго министерства. Я продолжал не вѣрить в его осуществленіе, но не мог не считаться с ходившими кругом слухами. «Благоприятныя» свѣдѣнія о приѣмѣ Шипова дошли и до меня: у нас они держались дольше. До тѣх пор я вел все это дѣло на свой страх, не посвящая в него почти никого. Теперь уже политическіе сосѣди узнали о моем участіи в переговорах. В виду возможности того или другого рѣшенія, я спѣшно созвал экстренное собраніе фракціи на 3-е іюля, чтобы доложить ей о всем уже сдѣланном мною и получить ея указанія на дальнѣйшее. Фракція собралась. Я сообщил ей, в общих чертах, о тѣх условіях, которыя, в случаѣ серьезнаго обращенія к нам, мы должны будем выставить согласно нашей программѣ и тактикѣ, — и получил санкцію собранія. Сколько помню, вопрос о допустимости смѣшаннаго по составу кабинета даже не ставился; не было рѣчи и о подборѣ личнаго состава к. д. Напротив, гораздо болѣе волновал фракцію вопрос о возможности роспуска, в случаѣ неудачи новой министерской комбинаціи. Этот вопрос обсуждался весьма горячо: всѣ рѣчи сосредоточились на выясненіи того, как в таком случаѣ должна реагировать Дума. Высказывались мнѣнія, довольно фантастическія: остаться сидѣть и принять бой на мѣстѣ; апеллировать к странѣ; во всяком случаѣ, не расходиться и быть готовыми на все. Помню, сѣдобородый старик В. И. Долженков, народный учитель по профессіи, горячій и убѣжденный до фанатизма кадет, был особенно непреклонен и хотѣл «умереть на мѣстѣ». Мы не предвидѣли только той формы, которую Столыпин выбрал, весьма каварно, для дѣйствительнаго роспуска. Мы все еще исходили из понятія о неприкосновенности Думы, о страхѣ власти перед ея роспуском, — и никак не ожидали той степени пренебреженія к ея правам, которое сказалось в губернаторской тактикѣ Столыпина. Во всяком случаѣ, было ясно, что расчет на мирный исход был очень слаб во фракціи, а убѣжденіе в неизбежности насильственной развязки и необходимости реагировать против нея — становилось всеобщим.

При таком настроеніи, естественно, слабѣло вниманіе руководителей и к мѣрам предосторожности против дальнѣйших частичных конфликтов. Много их мы предупредили вначалѣ; но те-

перь конфликтное положеніе стало постоянным и превратилось в привычку. Я лично виню себя в том, что среди текущей сутолоки прозввал обстоятельство, которое грозило самыми серьезными осложнениями. Как раз в эти дни рѣшающих переговоров о министерствѣ думскаго большинства — большинства-то у Думы именно не оказалось. Произошло это в результатѣ неожиданной постановки на очередь — *не нами* — самага остраго из конфликтных вопросов о т. наз. аграрном воззваніи к населенію. 20 іюня появилось правительственное сообщеніе, имѣвшее весь состав провокаціи: правительство «успокаивало» населеніе заявленіем, что думская аграрная реформа не будет осуществлена. Конечно, это было не только некоректно, но просто незаконно. В засѣданіи аграрной комиссіи депутат Кузьмин — Караваев, большой интриган и политическій путаник, самолюбивый и неумный, предложил опубликовать «контр - сообщеніе» от имени Думы. Если бы опасность этого шага была сразу оцѣнена, то выступленіе с ним могло быть на-рализовано. Но я о прохожденіи этого вопроса через комиссію ничего не знал. Кокоскин и Винавер во-время не прослѣдили за этим, а когда 4 іюля самый проект аграрнаго сообщенія стал на повѣстку общаго засѣданія Думы, никто из руководителей не был подготовлен к тому, как к нему отнестись. Наибольше освѣдомленным оказался... П. А. Столыпин! 4 іюля (замѣтим дату) он явился в Думу, гдѣ был рѣдким гостем, просидѣл цѣлое засѣданіе в министерской ложѣ и тщательно записывал пренія. В кулуарах затворили, что причина этого неожиданнаго посѣщенія — именно аграрное обращеніе Думы к народу. Мы могли задержать обсужденіе по формальным причинам, — но этого не сдѣлали. Столыпин имѣл возможность выслушать самую рѣзкія мотивировки лѣвых ораторов — и использовать их для доклада царю. Напомню, что это происходило 4 іюля. В вечернем засѣданіи фракціи этого дня об этом обстоятельствѣ вовсе не говорилось: очевидно фракція не подозрѣвала возможности правительственной реакціи.

Только утром 5 іюля (рѣшающій день) я, наконец, получил свѣдѣнія о происходящем. Я тотчас забил тревогу, бросился к Петрункевичу, об'яснил ему опасность уже принятаго нами текста обращенія и настоял на необходимости принять немедленно мѣры, чтобы, по крайней мѣрѣ, предупредить злостное толкованіе «аграрнаго обращенія». В нем заключался, кстати, призыв к народу «мирно и спокойно» ждать окончанія думской работы. В вечернем

засѣданіи фракціи я доказывал то же, о чем говорила на слѣдующее утро, 6-го юля, моя передовица в «Рѣчи». Я обращал вниманіе на угрозу офиціоза Столыпина, что, в случаѣ аграрных волнений, вмѣшаются австро - германскія войска, и убѣждал «не дѣлать шага», который может быть истолкован, как неконституціонный. «Мы, может быть, наканунѣ страшных рѣшеній», — писал я. «Послѣдніе дни, когда еще возможно было установленіе согласія между законодательной властью и исполнительной, быстро проходят, и с обѣих сторон так же быстро растет готовность на крайнія рѣшенія... Вся психологія положенія (о думском министерствѣ) сразу измѣнилась... Люди, склонявшіеся к идеѣ думскаго министерства, отшатнулись от нея в послѣднюю минуту». «Россія» говорила откровенно, что «немыслимо вѣрять либеральной буржуазіи, что она без репрессій справится с крайними теченіями»; что лучше «репрессивныя мѣры», нежели согласіе на «крайнія программы». Я убѣждал Думу «в виду крайней напряженности положенія быть особенно осторожной».

Фракція, насторожившаяся уже послѣ моего доклада о министерствѣ, отнеслась неблагосклонно к моим предостереженіям. Мои сомнѣнія в «умѣстности обращенія» «вызвали ропот и возгласы неудовольствія»... Огромное большинство (всѣ против пяти голосов) высказалось за безусловное сохраненіе раз занятой позиціи — приглашенія к «мирному и спокойному» выжиданію населеніем конца думской работы по аграрному вопросу. Это казалось, — да оно так и было, — предѣлом умѣренности, — не даром как раз от этой фразы трудовики отказывались. Я все-таки убѣдил Петрункевича по возможности пересмотрѣть и обезвредить принятый уже текст. Но фракція большею частью отклонила предложенныя нами измѣненія, Г. Е. Львов отказался тогда от доклада, а Петрункевич, которому пришлось экспромптом защищать оставшіяся четыре поправки, не был достаточно подготовлен. Львовые очень ловко этим воспользовались. При содѣйствіи правых и поляков, они воздержались от голосованія или голосовали против воззванія — и тѣм предоставили одним к. д. сдѣлать шаг, ради котораго вся Дума подставила себя под удар по обвиненію в революціонности. В результатѣ их отступленія, сама же Дума продемонстрировала отсутствіе в своей средѣ того большинства, на которое могло-бы опереться думское министерство.

У нас не было точных свѣдѣній о том, что именно этот факт

думскаго аграрнаго обращенія окажется послѣдней каплей и послужитъ къ той крутой перемѣнѣ, которая, по приведеннымъ выше словамъ А. П. Извольскаго, произошла именно *къ 5-му юля*. Насколько быстро распространились въ высшихъ кругахъ свѣдѣнія об этой перемѣнѣ отношенія царя къ Шиповской комбинаціи, видно из одного сообщенія гр. Коковцева. В тот же день, 5 юля, за обѣдом у графини Клейнмихель, — салонѣ правых, — В. Н. Коковцев услышалъ от гр. Юсифа Потоцкаго, что «день роспуска Думы назначен на ближайшее воскресенье». Коковцев был поражен, но Потоцкій не повѣрил, что министр финансов ничего не знает даже о самом намѣреніи распустить Думу. Столыпин, как видно, вел свою игру втайнѣ даже от своего ближайшаго единомышленника. На другой день Коковцев спросилъ об этомъ Столыпина — и получилъ уклончивый отвѣтъ: вопросъ о роспускѣ былъ «затронутъ» 4 юля (на докладѣ царю), а къ 7-му царь «желаетъ знать мнѣніе правительства». В дѣйствительности, очевидно, вопросъ о роспускѣ былъ не «затронутъ», а окончательно рѣшенъ по докладу Столыпина послѣ его думскихъ наблюденій, и 7-го юля нужно было не «знать мнѣніе правительства», давно составленное, а уже принять исполнительныя мѣры. Былъ давно уже заготовленъ Столыпинымъ и переданъ Горемыкину указъ о роспускѣ, и когда Коковцевъ позднѣе спросилъ, почему Столыпинъ ему ничего не говорилъ об этомъ, то Столыпинъ, по русскому изданію мемуаровъ Коковцева, отвѣтилъ, что это было исполненіе «простога приказанія государя», а по англійскому тексту, что онъ «не чувствовалъ никакой надобности дѣлать это въ то время предметомъ общаго обсужденія». 7 юля Столыпинъ пріѣхалъ въ Царское Село не только съ подробнымъ планомъ роспуска именно на воскресенье 9 юля, но и съ документами, которые оставалось только подписать. Онъ, очевидно, ожидалъ и своего назначенія на мѣсто Горемыкина. Остальное въ разсказѣ Столыпина Коковцеву — инсценировка, ретушированная для потомства: непреклонная воля царя (мотивированная старыми аргументами Коковцева), ссылка Столыпина на свою «недостаточную опытность», царское благословеніе передъ иконой и — тотчасъ-же вслѣдъ — совсѣмъ готовый подробный докладъ новаго Годунова о военныхъ мѣрахъ, уже принятыхъ на воскресенье въ предупрежденіе безпорядков... Всѣ, очевидно, чувствовали тогда, что совершается большое событіе, далеко не лишенное риска. Всѣ, кромѣ Столыпина! Бывшій губернаторъ готовъ былъ принять рискъ на себя.

Несмотря на невѣдѣніе фактов, я, однако, довольно точно оцѣнивал перемѣну настроенія. Вѣроятно, Столыпин мог бы разными аргументами переломить «благопріятное» отношеніе царя к докладу Шипова, как переломилось оно раньше — в том же неизмѣнном направленіи — к министерскому списку Трепова. Но, фактически, он, очевидно, воспользовался именно свѣжими данными об отношеніи Думы к жгучему вопросу, который с самаго начала был сдѣлан пробным камнем для существованія или несуществованія Думы — к вопросу аграрному. Однако, в своих тогдашних писаніях я нахожу упоминаніе еще об одном зигзагѣ политических настроеній сверху, уже послѣ 4-5 іюля. В самый день роспуска, 9 іюля, я писал в «Рѣчи»: «Размахи политическаго маятника в Петергофѣ продолжают совершаться под углом в 180 градусов. Не так еще давно маятник качнулся влѣво и чуть-чуть не дошел до точки, против которой написано: министерство из большинства. Но тотчас началось движеніе в обратную сторону, и в своем размахѣ вправо маятник почти достиг точки, против которой стоит: роспуск Думы». До сих пор мой діагноз был вѣрен за исключеніем словечка «почти». Но вот дальше слѣдует: «вчера (т. е. 8 іюля) происходило опять обратное движеніе *влѣво*, и неизвѣстно, на какой точкѣ остановится теперь новое колебаніе». Откуда-же происходил этот, правда, послѣдній минутный прилив оптимизма, за который І. В. Гессен в своих мемуарах упрекнул меня в недалковидности? Ищу в своей памяти — и не нахожу об'ясненія. А справляясь теперь, задним числом, с опубликованными данными, нащупываю два возможных отвѣта. Во-первых, П. А. Столыпин, готовясь к опасному, как тогда казалось, скачку, не только держал свои намѣренія в глубокой тайнѣ от всѣх, но, специально, чтобы ввести в заблужденіе думскіе круги, просил Муромцева назначить засѣданіе Думы для его личнаго выступленія в *понедѣльник* 10-го іюля. В это время всѣ мѣры уже были приняты для роспуска в воскресенье 9-го. М. М. Винавер вспоминает, что именно в ожиданіи понедѣльничнаго засѣданія мы ушли из Думы в субботу 8 іюля «успокоенные». Но это только половина отвѣта. Другая половина заключается в надеждах противников роспуска, которые до самаго конца не сложили оружія: о них, очевидно, я что-то и прослышал. По разсказу Столыпина собравшимся министрам, пріѣхав 7 іюля с Горемыкиным в Царское, по вызову государя, он застал там совершенно растерявшагося, на-

нически настроеннаго барона Фредерикса, который сдѣлал послѣднюю отчаянную попытку — предупредить роспуск Думы. Фредерикс говорил Столышину, что рѣшеніе распустить Думу «может грозить самыми роковыми послѣдствіями — до крушенія монархіи включительно», что Дума «совершенно лояльна», и если-бы государь лично выразил в посланіи к ней свое недовольство, — пригрозив притом мѣрами, предоставленными ему основными законами, если Дума не измѣнит образа дѣйствій, сѣющаго смуту, — то Дума «принялась бы за спокойную работу». На возраженія Столышина Фредерикс сослался на мнѣніе «людей, несомнѣнно преданных государю, что все дѣло в плохом подборѣ министров» и что «не так трудно найти новых людей, которые бы сложили с царя отвѣтственность за дѣйствія исполнительской власти». Тут не было, конечно, ничего «бесвязнаго»: это были обрывки плана Трепова и Мосолова, и Столыпин это отлично понимал; тѣм болѣе, что ссылка на «плохой подбор министров» прямо била в него. Горемыкин, к которому Фредерикс раньше обращался «не раз», по его словам, «не хочет ничего и слышать». Но Гурко в своем вообще путаном разсказѣ передает обрывок разговора уже самого Трепова с Горемыкиным. Выйдя от царя послѣ подписанія указа и назначенія Столышина на его мѣсто, Горемыкин встрѣтил Д. Ф. Трепова, очевидно, поджидаващаго его. Узнавъ о том, что рѣшен роспуск, Трепов воскликнул: «это ужасно; утром мы увидим здѣсь весь Петербург». Горемыкин сухо отвѣтил: «тѣ, кто придут, назад не вернуться...» «Из слов Трепова он, однако, заключил, что будут сдѣланы всѣ усилія, чтобы до опубликованія указа побудить царя вернуть обратно свое рѣшеніе». Дальше слѣдует уже только слух об исполненіи этой попытки, — но слух, который, по показанію Коковцева, «не вызывал никакого сомнѣнія в окруженіи совѣта министров и среди цѣлаго ряда лиц, близких отдѣльным министрам». Согласно этому слуху, поздно ночью на 9-ое іюля Горемыкину был доставлен из Царскаго Села пакет, в котором было «небольшое письмо от государя с приказаніем подождать с приведеніем в исполненіе подписаннаго им указа о роспускѣ Думы». Это колебаніе было бы характерно для обычной психологіи Николая II — и вполнѣ правдоподобно. Тот же слух передавал, что Горемыкин, зная положеніе, предвидѣл эту возможность и не велѣлъ себя будить ночью на 9-ое. А утром манифест о роспускѣ, со-

ставленный спѣшно той же ночью на основаніи указа, уже был напечатан, и выполненіе его уже началось...

Слухи в тѣ дни быстро проходили разстояніе между Царским Селом и Петербургом. Не касаясь самаго факта предусмотрительности Горемыкина и полученія им царскаго пакета в ночное время, я считаю вполне вѣроятным, что слухи об усиліях группы Трепова спасти Думу в послѣднюю минуту от роспуска дошли до редакціи «Рѣчи»; они и нашли отраженіе в приведенной фразѣ моей передовицы. Она писалась именно ночью того же 8-го іюля, когда Горемыкин — тоже получавшій «слухи» из Царскаго, — поспѣшил принять мѣры, чтобы эти слухи не стали дѣйствительностью.

Как бы то ни было, в ночь на воскресенье 9-го іюля я сидѣлъ в редакціи «Рѣчи» и увѣрял І. В. Гессена, что он может спокойно ѣхать на дачу в Сестрорѣцк, потому, что в воскресенье ничего не будет. Уйдя из редакціи на разсвѣтъ, я уже дома получил телефонный звонок из редакціи с сообщеніем, что манифест о роспускѣ (он в ту же ночь был выработан в совѣщаніи с участіем Крыжановскаго) печатается в типографіи. Я сѣлъ на велосипед и около 7 часов утра обѣхал квартиры членов Центрального комитета, пригласив их собраться у Петрункевича. Когда, около 8 часов, они начали собираться, текст манифеста был уже извѣстен, и мы знали, что на дверях Думы повѣшен замок. Всѣ мечты о том, что мы останемся «сидѣть» в Думѣ и не уйдем, сами собой отпадали. Мнѣ еще в маѣ, по поводу слухов о роспускѣ Думы «на каникулы», было поручено фракціей написать «манифест к населенію», хотя Винавер и вспоминает, что я находил такой каникулярный отпуск совершенно законным. Теперь дѣло стояло иначе, Ф. Ф. Кокшкін, наш главный эксперт по конституціонным вопросам, находил, что имѣются всѣ основанія признать роспуск нарушеніем конституціи. Слѣдовательно, вполне конституціонно было построить «манифест» на принципѣ пассивнаго сопротивленія. Порученіе составить проект манифеста на этой основѣ было возложено на меня. Ради предосторожности меня изолировали для выполненія этого порученія в сосѣдней квартирѣ брата И. И. Петрункевича, Михаила Ильича. Там, в пустой комнатѣ, стоя у рояля, я набросал карандашом на пыльной крышкѣ свой проект. Вернувшись в засѣданіе ц. к., я нашел там уже до двадцати собравшихся членов. Я прочел текст, выслушал ряд замѣчаній и внес соотвѣтствующія

исправления. Но основная идея Петрункевича и Кокоскина о пассивном сопротивлении возражений не вызвала: на ней сразу сошлись, как на самой минимальной формѣ необходимого протеста. Тогда возразил я сам: понимают-ли участники совѣщанія, что задуманный шаг может повести за собой тот же печальный результат, как и добровольное рѣшеніе членов французскаго учредительнаго собранія времени революціи, — отказаться от участия в выборах в слѣдующее, законодательное собраніе? Тогда добровольный этот отказ лишил народное представительство ряда выдающихся людей. Дают - ли наши депутаты себѣ отчет, что никто из них, в случаѣ неуспѣха воззванія, уже поневолѣ в Думу не вернется? Если нѣтъ этой готовности к политическому хакари, то не надо дѣлать и задуманнаго шага. М. М. Винавер вспоминает отвѣтъ Ивана Ильича Петрункевича, «поддержанный всѣми присутствующими депутатами: эта сторона дѣла всѣм ясна и ни в ком сомнѣній не вызывает».

Винавер нашел мой проект манифеста слишком слабым: г нем не было «стихійной негодующей силы». Надо было, чтобы «крик возмущенія прозвучал, как блескъ молніи, освѣщающей населенію истинный смысл совершившагося». Поэтому и заключительный призыв к неповиновенію населенія «не привлекал к себѣ вниманія». Весь шаг казался «жалким минимумом дѣйствія, остающагося в нашем распоряженіи» (оно так и было, конечно). Выслушав эти соображенія, Петрункевич предложил Винаверу написать тут-же другое воззваніе, но тот, «послѣ минутнаго колебанія», отказался. Для окончательной установки текста опять перешли из предосторожности в квартиру М. И. Петрункевича. Воззваніе было переписано в нѣскольких экземплярах, а оригиналъ — уничтожен.

Оставалось превратить проект партіи в рѣшеніе Думы. Но не только помѣщеніе Думы, а и наш клуб на Потемкинской улицѣ были оцѣплены войсками и полиціей. Было тогда рѣшено ѣхать в Выборг. Трудовики не возражали ни против воззванія, ни против поѣздки. Потом присоединились и с. д.

М. М. Винавер дал картину нашего пребыванія в Выборгѣ. Моя роль там ступшевывалась: я не был депутатом и оставался в сторонѣ от обсужденія и от принятія рѣшительнаго шага. Пріѣхав к ночи, я гдѣ-то как-то переночевал на полу, в повалку с другими. Уже с вечера начались совѣщанія; никого, кромѣ депутатов, в

зал не впускали. До «посторонних» доходили только слухи о том, что там происходит. Конечно, невѣрен был слух, что Муромцев открыл совѣщаніе словами «засѣданіе продолжается». В этой обстановкѣ предсѣдатель Думы чувствовал себя неловко. Переход от ожиданія «призыва» к засѣданію с революціонным отбѣнком был для него слишком рѣзок. Но предсѣдательство в совѣщаніи он не мог не принять: это разумѣлось само собою. Настроеніе собранія оставалось очень повышенным, но разумок вступал в свои права. Кадетскій «минимум», конечно, далеко не отвѣчал лѣвому «максимализму». Но как-то понималось, что жизнь может не выдержать и этого рекорда. Всѣ сознавали, к тому же, что важно *общее* рѣшеніе всей Думы. Оно не исключало отдѣльных партійных мѣр, которыя шли дальше, но и само это рѣшеніе требовало уже не фраз, а дѣйствій. Когда, в полуденный перерыв, были допущены в зал собранія партійцы — не члены Думы, и я в том числѣ, мы нашли настроеніе нашей фракціи значительно пониженным. Если первая половина воззванія продолжала казаться недостаточно яркой, то вторая — призывы не давать рекрут, не платить податей и — прибавленіе Винавера — не платить долгов по займам и поднять вопрос о политической забастовкѣ — вызвала ряд возраженій, отнюдь не принципиальных, а практических и тѣм болѣе серьезных. Рекрутскій набор будет только в октябрѣ; прямые налоги — ничтожная часть бюджета, неплатеж по займам — пустая фраза, политическая забастовка отвергнута единогласно. Оставалась одна центральная идея: призыв к организованному дѣйствию народа без насильственных мѣр. Но «народ не готов»? Послѣ всѣх этих возраженій, воззваніе сохраняло лишь значеніе неизбежнаго в данную минуту тактического шага с цѣлью найти наиболѣе спокойный выход для общаго повышеннаго настроенія момента. С этой точки зрѣнія и приходилось его защищать. В худшем случаѣ это было предостереженіе правительству. Разумѣется, все это скорѣе подразумевалось, нежели высказывалось открыто.

Еще ночь была использована для обработки шестичленной комиссіей от трех партійных групп окончательнаго текста воззванія. А утром разгорѣлись еще болѣе острыя пренія внутри нашей фракціи о приемлемости воззванія по существу. Критика убивала настроеніе. Большинство двух голосов вся вторая часть воззванія была отвергнута. В открытом затѣм общем засѣданіи даже

такі сдержанные и политически подготовленные члены Думы, как Герценштейн, Юлос, теряли спокойствіе и вносили в пренія большую страстность. В полуденный перерыв были опять допущены не-члены Думы. Не помню точно, что я говорил в перерывѣ наканунѣ, защищая воззваніе. Но тут и меня колебанія фракціи чрезвычайно взволновали и настроили на рѣзкій тон. Меня стѣсняло, что я не нес общей отвѣтственности; но все же я находил, что теперь отступать поздно и в такую минуту голос всей Думы должен прозвучать дружно. Только принятое *всѣми* воззваніе и имѣет политическій смысл, — хотя бы смысл тактическаго шага. Это мнѣніе побѣдило. Но явился на сцену болѣе сильный аргумент: приказ из Петербурга выборскому губернатору распустить собраніе. Муромцев вышел для переговоров, обѣщал губернатору закрыть собраніе и — среди общаго волненія, надѣвъ перчатки — удалился. Петрункевич предложил тогда, прекратив пренія, подписать воззваніе, «как оно есть». Спорить было, дѣйствительно, некогда. Притом же, насиліе из Петербурга зажгло потухавшее пламя и сразу всѣх об'единило. Герценштейн и Юлос подписали манифест первые.

Только позже я узнал, что, при нашем возвращеніи в Петербург, черносотенцы готовили против нас покушеніе. В списокъ обреченных, кромѣ двух названных, стояли Винавер и я. И я тогда не понялъ, почему на Выборгском вокзалѣ одна преданная кадетка заготовила к приходу поѣзда пролетку, в которую, при выходѣ из вокзала, меня энергично втолкнула.

П. Милюков